

Есенин Сергей

3.10.95.

САМЫЙ СИНЕГЛАЗЫЙ...

СЕГОДНЯ
СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ
100 ЛЕТ

Жизнь поэта шатается из дыр и прорех, из похмелья и колючей проволоки бытовых проблем, из невыразимого и необъяснимого... Это хорошо знали большие поэты. Это знал Есенин.

После его самоубийства идеологи советской власти на десятилетия вывели его из легального существования в жизни страны. А потом стали делать из поэта златокудрого отрока, кучерявого Леля, который не пил водки и не бегал за женщинами. Они вырезали из его судьбы целые главы — его мужицкую деловитость, его алкоголизм с приступами белой горячки, они отсекали от поэта лучших его друзей и соратников неугодной национальности.

Дальше — больше, и вот уже десятки "исследователей" в штатском заговорили о том, что не сам он покончил свои счеты с жизнью (и это после ряда суицидных попыток, начиная с 1912 года), а неизвестные (хотя и понятно какие) враги. Перевести божественную драму в бытовую могли только недоразвитые. Но все эти вопросы сняла комиссия Есенинского комитета летом 1993 года.

В заглавие, конечно, вынесена метафора. Речь идет не столько о цвете глаз того, кто родился 21 сентября 1895 года по старому стилю, а по новому — именно сегодня. Речь о качестве поэтического зрения. Откуда его "неказанное, синее, нежное..."? Наверное, от красок и шорохов родного села в бывшей Рязанской губернии, от того среднерусского пейзажа, о котором никто не мог поведать так, как он.

Сегодня сто лет поэту милостью Божьей.

Странная дата для самой противоречивой, по крайней мере на сегодняшний день, судьбы в российской словесности.

Для одних Есенин — незамутненный гений. Для других, хотя и талантливый, но люмпен, который всю жизнь метался между городом и деревней, выражая, может быть, самые неприглядные стороны оторванного от земли крестьянства. Он был просто жителем этой Земли.

Один из советских страдальцев, скрюченный восемнадцатилетними мытарствами по ГУЛАГу Варлам Шаламов, во многом крайне неприязненно относился к Есенину. В статье "Сергей Есенин и воровской мир" он утверждал, что поэт выразил ту уголовную ментальность, которая сделала его любимым поэтом воровского мира и концлагерей: "...блатные сделали его классиком — отзываться о нем с уважением стало хорошим тоном среди воров..."

(Окончание на 7-й стр.)

block. Кончина 1995 —
Зем. — С. 1

САМЫЙ СИНЕГЛАЗЫЙ...

Сегодня Сергею Есенину 100 лет

(Окончание.

Начало на 1-й стр.)

Пьянство, кутежи, воспева-
ние разврата — все это находит
отклик в воровской душе. ...Поз-
зия Есенина чрезвычайно тонко
воспроизводит понятия блатного
мира — сентиментальное умиле-
ние матерью, циничное и пре-
зрительное отношение к женщи-
не..." Все это так, да не так. В
этом смысле современный поэт
писал о Владимире Высоцком,
чья судьба в какой-то мере сле-
довала за есенинской: "О злато-
устом блатаре рыйдай, Россия...
Какое время на дворе — таков
мессия..." Было это у Есенина —
вплоть до порыва — "и я кого-
нибудь зарежу под осенний
свист" или же ожидания распла-
ты от того, кто "саданет под
сердце финский нож..."

Но одновременно один из
хозяев Москвы, с которым уж
никак не должен был согла-
шаться старый зек Шаламов,
секретарь партийного горкома
некто Щербаков, как вспомина-
ют, трясясь от ненависти при
имени Есенина. В чем дело? А
дело в том, что верный партиец
не мог простить поэту единст-
венную строчку, в которой тот с
крестьянской хитрецой запе-
чатлев образ Владимира Улья-
нова — "он с лысиной, как под-
нос"... Вы только представьте,
как относился поэт к "вождю
мирового пролетариата". Да он
его терпеть не мог!

Осип Эмильевич Мандель-
штам в свою душераздираю-
щую "Четвертой прозе" так по-
минает Есенина: "...есть пре-
красный русский стих, который
я не устану твердить в москов-
ские письные ночи, от которого,
как наваждение, рассыпается
рогатая нечисть. Угадайте, дру-
зья, этот стих — он полозьями
пишет по снегу, он ключом ве-
рещит в замке, он морозом
стреляет в комнаты:

... не расстреливал несча-
стных по темницам...

Бот символ веры, вот под-
линный канон настоящего писа-
теля, смертельного врага лите-
ратуры". Мандельштам с его
безошибочным чутьем вычле-
нил, может быть, главное в
Есенине.

Как бы пролетарский поэт
Владимир Маяковский Есени-
ним тоже интересовался. Тот
его, в свою очередь, терпеть не
мог и где надо и где не надо
затрагивал кolkim словцом.
Например, в частушке "Эх,
сыпь! Эх жары! Маяковский —
бездарь..." В свою очередь, В.М.
написал почти издеватель-
ские стихи о смерти Есенина.
Тут "тебе ни бабы, ни пивной",
тут "забулдыга-подмастерье".
Естественно, сам себе Маяков-
ский отводил роль агитатора и

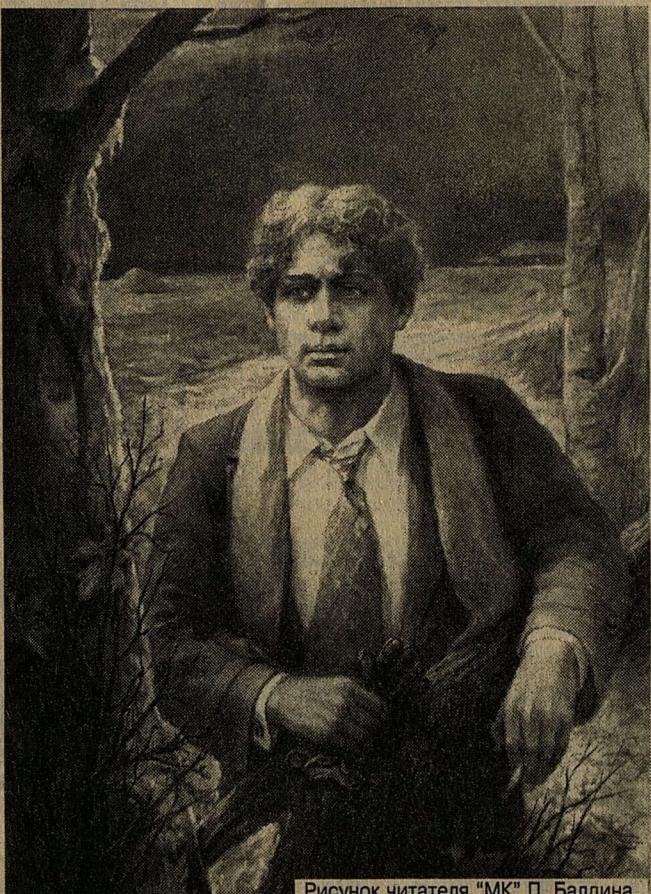

Рисунок читателя "МК" П. Балдина.

главаря...

Правда, Марина Цветаева
пытаясь примирить противо-
речия этих крупных людей, ко-
гда обратилась к этим двум по-
койникам из своего эмигрант-
ского далека: "Под царство под
этот подложим гранату..." —
предложила она, еще не зная,
что скоро сама уйдет из этой
жизни.

Противоречивость Есенина
еще и в том, что он, приняв ре-
волюцию, отшатнулся от совет-
ской жизни, был готов "задрав
штаны бежать за комсомолом",
но не бежал за ним, метался
между основоположниками кро-
вавой нивы — "давай, Сергей,
за Маркса тихо сядем" — и впи-
танным с малолетства право-
славием. Он просил, "чтоб за
эти грехи мои тяжкие, за неве-
рие в благодать положили меня
в русской рабушке под иконами
умирать..." В благодать он так и
не поверил, писал романтиче-
ские стихи о Родине, однако
это не помешало ему провести
убийственный социальный ана-
лиз и трезвенько назвать свою
родину "страной негодяев", что,
впрочем, не потеряло актуаль-
ности и в наши дни.

Подведем некоторые итоги
наших "юбилейных" заметок.

Если Александр Блок был гени-
альным выразителем "серебря-
ного века" России и подвел
черту под эпохой трех револю-
ций поэмы "Двенадцать", пос-
ле чего "музыка умерла" для
него, а Маяковский сознатель-
но выбрал путь службы кро-
вавому режиму, то Есенин вы-
разил мятущуюся душу России
на очередном кругом переломе
её истории и ушел из жизни,
потому что кончилось его поэ-
тическое время. Он не смог бы
отсидеться на даче в Передел-
кине или оттуда же, как миллионы
других, отправиться по
этапу куда-нибудь на Третью
речку дальневосточной зоны.
Эмиграция как возможность
спасения была для него исключе-
на после его пьянства в ми-
ровых столицах — Берлине или
Америке, которую он окрестил
железным Миргородом. Выхода
не было. Это время было непо-
ильно для гениев...

Он родился сто лет назад.
В самом факте столетнего юби-
лея открывается возможность
бессмертной жизни. Он остал-
ся молодым в памяти мира.
Есенина на пенсии представить
невозможно.

Сергей МНАЦАКАНЯН.